

О. А. Мещерякова

Языковые особенности ахроматического мира пушкинских сказок в сопоставлении с фольклорной традицией

В статье поднимается проблема формирования достаточно узкой сферы семантического пространства сказок А. С. Пушкина – ахроматического мира. Это смысловое содержание текста, представленное денотативными семемами лексем, которые отражают непосредственное восприятие белого, серого и черного цветов. Выявляется, какие ахроматические цветолексемы великий русский поэт включает в свои знаменитые сказочные произведения; проводится сопоставление с употреблением цветowych слов в русских волшебных сказках. Это помогает определить, насколько авторский выбор обусловлен влиянием языка фольклорной сказки. Также затрагивается вопрос о «нецветовых» смыслах, которые актуализируются денотативной семемой. Устанавливается, что употребление лексем, которые обозначают ахроматические цвета в литературной сказке А. С. Пушкина, ориентировано на соответствующие цветолексемы в русской народной сказке. Данный языковой феномен не является продуктом только внешней стилизации. Семантическое содержание лексем с корнем бел-, сер-, черн- и т.п. развивается в соответствии с авторским замыслом, но в русле фольклорной традиции.

Ключевые слова: ахроматическая цветолексема, денотативная семема, семантика, фольклорная и литературная сказка, А. С. Пушкин, стилизация, фольклорная традиция.

Для цитирования: Мещерякова О. А. Языковые особенности ахроматического мира пушкинских сказок в сопоставлении с фольклорной традицией // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 118–133. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_118. EDN: ТОСБНЈ

Цвет относится к универсальной категории бытия. Его ахроматический спектр, состоящий из белого, черного, серого, «концептуализируется на начальном этапе эволюции цветовой картины мира»¹. В современной лингвистике изучение вербального представления о цвете в языке и речи вызывает особый интерес, т. к., с одной стороны, позволяет выявить систему, свойственную языку, а значит – осознать «язык в человеке» и продолжить традицию изучения семантико-

¹ Охрицкая Н. М. Лингвокультурологический аспект многозначности цветоименований: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. С. 6.

© Мещерякова О. А., 2025

стилистических и структурных особенностей цветономинаций [7; 15; 26]. С другой стороны, «промежутки времени и история данного народа оставляют свой отпечаток в языке, что не обошло и цветолексики»¹, в которой «национально-культурный компонент следует рассматривать как совокупность коннотативных, денотативных и эмпирических признаков» [19, с. 41]. Обращение к цветолексемам под таким углом способствует установлению смысловых нюансов, которые вскрывают законы «человека в языке», связанные с национальной культурой цветового именованя (к примеру, см.: [11–12 и др.]) и с ее преломлением в разных типах дискурса [14; 25 и др.].

Особый интерес вызывает изучение цветовых терминов в художественном дискурсе, который по крайней мере имеет два полюса: фольклорный и литературный.

Фольклорный дискурс, в том числе сказочный как его разновидность, формируется языковыми единицами, смысловое содержание которых отражает видение реальности через призму мировоззренческих установок народа, его нравственно-этических и эстетических принципов². Авторская литература должна усваивать подобное содержание через его форму, что может составить одно из главных ее достоинств.

Именно такого взгляда на взаимодействие народного и литературного творчества придерживался А. С. Пушкин. В 1827 году в «Письмах к издателю "Московского вестника"», ведя спор с романтиками и «возражая доктринерам нормативной эстетики» [4, с. 98], он задавался вопросом: «Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка?» и отвечал на него весьма категорично, в духе кантовского императива: «Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» [18, VII, с. 72].

«Принятые обычаи в словесности своего народа» осознались Пушкиным посредством освоения формул разных фольклорных жанров, но особое значение он придавал сказ-

¹ Nowaczyk M. Семантико-структурный анализ лексики, обозначающей цвет в русском языке // Journal of Education, Health and Sport. 2017. № 7 (4). P. 293. Электронный ресурс. URL: <https://apcz.umk.pl/JEHS/article/view/4369/pdf> (дата обращения: 01.05.2025).

² Поверенная А. А. Лингвокультурные особенности сказочного дискурса: аксиологический аспект (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2022. С. 4.

кам. Известно, что в своем неопубликованном «Возражении на статью “Атенея” («Атений», 1828 г., № 4, статья за подписью В. (М. А. Дмитриев)» Пушкин, объясняя употребленную в V главе, XVII строфе «Евгения Онегина» форму *Людская молвь и конской топ!*, назвал ее «выражением сказочным» и указал источник – Бова Королевич, а затем призвал: «Читайте простонародные сказки, молодые писатели – чтоб видеть свойства русского языка» [18, VII, с. 79]. То, насколько сам поэт реализовывал в творчестве провозглашенные им «правила», сначала было предметом литературной критики, а затем и языкового анализа. В XX веке ученые уже достаточно обоснованно говорили о глубокой осознанности обращения Пушкина к народному творчеству [3, с. 42], констатируя, что это связано со стремлением к сохранению не только национальной языковой формы, но и содержания, поскольку мир народной поэзии служил знаменитому автору литературных произведений «морально-эстетическим ориентиром для представления о совершенстве человеческих отношений» [1, с. 26]. Ориентир на традицию фольклора обуславливал в языке и «пушкинские приемы воспроизведения эпической простоты народного стиля», и «пушкинские методы синтезирования литературно-книжного и устно-поэтического творчества» [9, с. 230].

Конкретизировать возможности «приемов» и «методов», к которым обращается Пушкин в рамках общенационального поэтического достояния, – задача весьма многогранная. Она обусловлена как жанровым фактором (в духе народной традиции поэтом созданы и «Песни западных славян», и поэма «Руслан и Людмила», и, безусловно, те произведения, в названии которых обозначен жанр сказки), так и фактором лексико-семантическим, потому что любое обозначение реалии внешнего мира, в нашем случае – ахроматического цвета, может быть представлено в четырех типах семем [17], отражающих:

- 1) непосредственное восприятие цвета, репрезентированное в денотативной семеме (**Д1**: *белый, серый, черный* и т. п.);
- 2) частично опосредованное восприятие, отраженное в денотативно-производной семеме; в этом случае именование цвета служит основой формирования нового лексико-семантического варианта, имеющего, как правило,

терминологическое или близкое к нему содержание (**Д2**: **Черное море, черница**);

3) мотивированное опосредованное восприятие цвета через эталонный предмет, что формирует коннотативную семему (**К1**: *серебряный*);

4) немотивированное опосредованное восприятия цвета при формировании устойчивого сочетания (**К2**: *черная зависть*).

В рамках лингвистики цвета считаем возможным денотативный тип семемы (**Д1**) назвать *денотативной цветосемемой*, подчеркивая, что в основе формирования семантики лежит непосредственное визуальное восприятие цветового признака реалии внешнего мира.

Внимание к денотативной семеме обусловлено стремлением выявить ее потенциал в выражении явных цветовых и потенциальных нецветовых смыслов в художественном дискурсе.

Цель данной статьи – установить, какие денотативные цветосемемы (**Д1**), отражающие ахроматическое восприятие, Пушкин как автор литературных сказок включает в свои знаменитые произведения, насколько его выбор обусловлен влиянием языка фольклорной сказки, а также затронуть вопрос о содержательных особенностях денотативной цветосемемы в семантическом пространстве пушкинской сказки как фольклорной стилизации.

Под стилизацией понимается «литературный стилистический прием умышленной имитации характерных особенностей чужой речевой манеры для достижения определенной художественной цели» [13, стб. 1029]. При этом самооценность «плана содержания» отграничивается от «плана выражения», представляющего собой систему последовательных аллюзий на стиль чужого текста или группы текстов [13, стб. 1029].

Материалы и методы

Материал исследования: ахроматические цветолексемы, реализующие денотативные цветосемемы в текстах литературных сказок А. С. Пушкина и русских народных сказках; *методы* – лексический и семантический анализ цветолексем, сопоставительный анализ использования денотативных цветосемем в фольклорном и литературном дискурсе, анализ словарных дефиниций, метод описания и обобщения.

Источниками исследования стали такие произведения Пушкина, как «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831), «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» (1833), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833), «Сказка о золотом петушке» (1834), неоконченная сказка под условным названием «Сказка о медведихе» (1830) [18, IV], а также русские народные сказки, письменный вариант которых зафиксирован в сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки в трех томах» [5].

Результаты

Для обозначения ахроматического цвета, который не имеет цветового пигмента, Пушкин для своих сказок выбирает слова с корнем *бел-*, *черн-*, *сер-*, реализующих денотативную цветосемему. Например, прилагательное *белый* непосредственно обозначает ахроматический цвет ствола дерева, реализуя денотативную семему Д1: *Села медведиха под **белой** березою* [18, IV, с. 419].

Важно подчеркнуть, что смысловое содержание денотативной семемы Д1 одной и той же лексемы в разных контекстах может отличаться. Эту особенность ярко демонстрирует лексема *белый*. В одном случае она указывает на семему Д1¹ 'цвет снега, молока, мела (противоположный чёрному)': <...> *И за **белыми** стенами / Блещут маковки церквей / И святых монастырей* [18, IV, с. 426]. Выступая в качестве именованного цвета кожи человека, лексема *белый* обозначает 'очень светлый; светлее, чем обычно бывает определяемый этим словом предмет', представляя Д1²: *Но жена не рукавица: / С **белой** ручки не тряхнешь* <...> [18, IV, с. 443]. При художественном определении зари лексема *белый* именуется особым цвето-световой эффект, репрезентируя представление о светлой окраске полосы горизонта, ее освещении перед восходом солнца в рамках Д1³: *Как весенней теплою порою / Из-под утренней **белой** зорюшки, / Что из лесу, из лесу дремучего / Выходила медведиха* [18, IV, с. 481]. Все три денотативные семемы Д1¹, Д1², Д1³ отражены в лексикографическом описании языка Пушкина, и в случае, если примеры представлены из текста сказок, истолковываются с пометой «народно-поэтическое» [21, с. 78–79], тем самым фиксируя факт

фольклорно-цветовой стилизации. Сочетаемость лексем свидетельствует о том, что в ахроматическом мире пушкинских сказок представлены и человек, и артефакт, и природа.

Среди слов пушкинского ахроматического ряда языковых единиц с денотативной семемой можно выделить те, которые на основе ограниченной сочетаемости предназначены только для описания внешности человека – кожного покрова и волос. Так, в обозначении цвета лица, связанного с эмоциональным переживанием, поэт использует лексему *побледнеть*: *Повариха побледнела, / Обмерла и окривела* [18, IV, с. 430]. Для именованного цвета волос, изменившегося в связи с возрастом, используется корень *сед-*. *Седина*: И, блистая *сединами*, / *Дядька впереди идет <...>* [18, IV, с. 437]. *Поседельный*: *Вдруг в толпе увидел он, / В сарачинской шапке белой, / Весь как лебедь поседельный, / Старый друг его, скопец* [18, IV, с. 481].

Рассматривая ахроматические лексемы в морфемно-словообразовательном отношении, важно отметить использование Пушкиным композитов с двухкомпонентной структурой. Причем встречаются два типа подобного сложения: цвето-цветовой и предметно-цветовой.

В «Сказке о мёртвой царевне», которая близка волшебной сказке, один из корней называет предмет, а другой – его цветовой признак: *Белолица, черноброва, / Нраву кроткого такого* [18, IV, с. 460]. Подобные денотативные предметно-цветовые семемы демонстрируют утрату семантической расчлененности, что ведет к сгущению семантического содержания в одном слове, к явлению «семантической конденсации» [23, с. 179].

В «Сказке о медведихе», по типу соотносимой со сказкой о животных, дан цветовой эпитет в описании медведя и медведихи – *чернобурый*. В одной лексеме сливаются наименования двух цветов: *черного* и *бурого*, но композит именуется не два разных цвета, а один – *бурый*, с оттенком очень темного, обозначенным *черным*: *Дошли вести до медведя чернобурого* [18, IV, с. 418]. При этом за семемой сохраняется денотативная характеристика, т. к. цвет и оттенок именуется непосредственно. Сопоставляя лексему с именованием вида медведя в зоологии – *медведь бурый*, мы осознаем, что лексема-композит создана с целью поэтической эстетизации и формирует особый – поэтический – образ животных-героев сказки.

Примечательно, что при употреблении этой же лексемы в «Сказке о царе Салтане» лексема реализует семему, производную от денотативной, т. е. Д2, так как обозначает не собственно цвет, а вид животного, имевшего промысловую значимость для последующей продажи. Чернобурая лисица была распространена на Алтае, поэтому ее описание нашло отражение в эпосе тюрков Южной Сибири [22, с. 55]. В сказке Пушкина *чернобурый* имеет значение 'особый вид дорогостоящей пушнины'. Лексема представлена в речи купцов: *Мы объехали весь свет, / Торговали соболями, / Чернобурыми лисами <...>* [18, IV, с. 427]. Тем самым посредством производно-денотативной семемы *чернобурый*, в отличие от денотативной Д1 той же лексемы, поэт дает экономически точную информацию, подтверждаемую, например, российским востоковедом-тюркологом, этнографом В. В. Радловым, который отмечал, что в Сибири «самым ценным считается мех черной лисы (“кара тулуку”), которую встречают на Алтае чаще всего у Башкауса <...> за шкуру которой дают 150–200 рублей» [19, с. 156].

Денотативная семема Д1 может объективировать эмоционально-экспрессивные смыслы за счет включения в состав лексемы уменьшительно-ласкательного суффикса, что ведет к формированию диминутива. У Пушкина встречаются ахроматические диминутивы: *Прибежал тут зайка-смерд, / Зайка беленький, зайка серенький* [18, IV, с. 419]. Суффикс *-еньк* в двух цветowych прилагательных в первую очередь служит целям фольклорной стилизации, т. к. в устном народном творчестве диминутивы выступают его значимым компонентом [6, с. 317]; однако в авторском тексте уменьшительно-ласкательная форма, скорее, направлена на выражение ироничного отношения к персонажу. Выражению отрицательной коннотации с помощью денотативной семемы способствует вовлеченность цветowych диминутивов в бессюзную конструкцию, объединяющую именованья в одно целое: *зайка беленький, зайка серенький*. Благодаря этому возникает представление о способности сказочного героя иметь одновременно разную окраску шерсти. В природе у животного такого одновременного присутствия двух разных оттенков нет, это зависит от времени года. В сказочном повествовании Пушкина «двойной» окрас придает образу *зайки-смерда* чер-

ты героя-приспособленца. Особую роль играют и морфемы, о чем мы подробнее скажем ниже.

В морфологическом плане Пушкин прибегает к прилагательным ахроматического ряда, с помощью которых номинируется постоянный признак предмета. В этом случае лексема ахроматического цвета часто выполняет функцию постоянного эпитета: *Князь царевну обнимает, / К белой груди прижимает <...>* [18, IV, с. 444]. Постоянный эпитет указывает на «денотат, являющийся “идеальным”, соответствующим эталонным представлениям о том, каким он должен быть» [16, с. 114]. В литературно-кодифицированном варианте, оторванном от народной речи, цветолексема лишается обобщенного смысла, имеющего <...> формульно-кодовый характер [8, с. 153], а Пушкин через прием стилизации реконструирует его, и выражение *к белой груди* (*грудь*, в отличие от *рук*, вообще-то скрыта под одеждой и не может быть наблюдаема) в контексте «Сказки о царе Салтане» выражает уже не ахроматическое, а оценочное значение ‘правильный, соответствующий норме’, делая его главным, доминирующим в оценке поступка царя Гвидона.

С помощью глагола *почернеть* возможно именование процесса, направленного на изменение цвета: *Старичок отправился к морю, / (Почернело синее море.)* [18, IV, с. 455]. Процессуальность особо выделяется Пушкиным за счет синтагматического соположения ахроматической лексемы с корнем *черн-* и хроматического прилагательного *синий* в роли постоянного эпитета. Цветообозначение для именованного «стандартного» признака цвета воды в море – *синий* – используется, но «цветовое» содержание в нем реализуется своеобразно за счет соположения с другим цветообозначением, благодаря чему представление о синем трансформируется за счет употребления глагола *почернело*, который заменяется на словосочетание *черная буря*. Это прием цветовой градации: *Вот идет он к синему морю, / Видит, на море черная буря* [18, IV, с. 456]. Так с помощью разных грамматических способов именованного ахроматического цвета автором сказки градуируется не только ахроматический оттенок, но и лексикализуется представление о степени гнева золотой рыбки, с чем связано и представление об усилении интенсивности черного.

Помимо этого, ахроматический мир у Пушкина также представлен кратким причастием, грамматическое значение которого указывает на завершенность процесса изменения цвета к определенному периоду времени – времени исполнения рыбкой старухино желания: *Перед ним изба со светелкой, / С кирпичною, **беленою** трубою <...>* [18, IV, с. 453]). Труба в крестьянских избах белилась, когда печью переставали пользоваться, – весной. Здесь же труба свежeweыбеленная, т. к. дом новый.

Приведенные примеры свидетельствуют о «вовлеченности» в изображение ахроматического мира грамматических форм и синтаксических конструкций, позволяющих довести представление о «беспигментном» цвете до филигранной точности и конкретности, связанной с авторским замыслом в изображении и сказочного, и бытового мира его героев.

Таким образом, ахроматический ряд денотативных цветосемем пушкинского сказочного текста, хотя представлен небольшим набором языковых единиц, способен актуализировать разнообразное смысловое содержание, во-первых, в силу семантической гибкости денотативной семемы, отражающей непосредственное восприятие цвета; во-вторых, под влиянием морфемно-словообразовательного, грамматического и даже фонетического уровня языка.

Обнаруженные нами в текстах Пушкина лексемы, именующие ахроматический цвет, в большинстве своем соответствуют лексемам, репрезентирующим денотативную цветосемему в текстах русских народных сказок.

Так, цветообозначения *белый, серый, черный* в русских народных сказках номинируют постоянный цветовой признак, выявляемый во внешнем мире – у артефактов, во внешности сказочного персонажа (как человека, так и животного): *Въезжают богатыри, топчут цветные луга, видят **белый** пустой шатер <...>* [5, III, с. 283]; *<...>меня обогнал всадник на **белом** коне, сам **белый** и в **белой** одежде: кто он такой?* [5, I, с. 131]; *Малиновка смотрит на ее тело **белое**, на ее красу ненаглядную и вся как есть дрожит* [5, II, с. 200]; *Обернулась **белой** лебедью и улетела в окно* [5, II, с. 266]; *Тогда Ох обернулся **серым** волком да вслед за собакою: вот-вот настигнет, на клочки разорвет!* [5, II, с. 228]; *Змей призадумался, присвистнул, загаркал; конь-вихорь тряхнул **черною гривую** <...>* [5, III, с. 231].

Подобное лексико-семантическое единство пушкинской и фольклорной сказки можно обнаружить и в языковых способах ахроматического портретирования.

В области изображения человеческих эмоций слова с корнем *бледн-* в русской народной сказке представлены более широким рядом, чем у А. С. Пушкина – лексемами *бледный*, *побледнеть*. Они указывают на цветовое изменение кожного покрова человека, связанное с испугом: *Вот вылезла она из погребца бледная-бледная* [5, III, с. 42]; *Царевич вынул свою дудочку; поп, как увидел ее, побледнел со страху, лихорадка так его и трясет <...>* [5, III, с. 324]. Однако несмотря на некоторое отличие в используемых однокоренных вариантах, именование цвета как результата эмоций сближает фольклорную и литературную сказку Пушкина.

Лексема *сед-* употребляется в русской народной сказке для описания цвета волос пожилого человека: *Вошел в кузницу, а в ней <...> на наковальне седой старик лежит <...>* [5, II, с. 66]; *Идут путем-дорогою, а навстречу им седой старичок <...>* [5, I, с. 279]. Примечательно, что в русских народных сказках таким цветовым признаком обладают, как правило, герои-помощники, что сближает их и пушкинских персонажей. Например, в процитированной выше сказке *седой старичок* одаривает двух Иванов богатырскими конями: *Привел их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней* [5, I, с. 279]; в «Сказке о царе Салтане» Черномор водит войско, охраняет остров Гвидона: *И блистая сединами / Дядька впереди идет; <...> И попарно их выводит, / Чтобы остров тот хранить / И дозором обходить* [18, IV, с. 437, 440]. Как видим, в пушкинском и фольклорном тексте слова с корнем *сед-*, лексикализирующие денотативную цветовую семему, одновременно объективируют и дополнительные смыслы, указывающие не столько на возраст, сколько на мудрость и способность помогать другим.

В морфемном и словообразовательном аспекте русская народная сказка так же, как и в семантическом плане, была для Пушкина источником ахроматической формы и содержания. Так, в фольклорной сказке нередко случаи употребления корня *бел-* в составе композита с двухкомпонентной структурой: *Был на свете царь, у него была любимая дочь*

Анна-царевна <...> и сидела она в **белокаменных** палатах <...> [5, III, с. 328], в том числе и «семантического конденсата» белолица: И стал пуще глядеть во все виды и вдруг заприметил: у окна в далеком тереме сидит красавица царевна, румяна, **белолица** и тонкокожа, аж видно, как мозги переливаются по косточкам [5, I, с. 259]. Белолицый – это цвето-предметная лексема, смысловой конденсат, как мы говорили выше, звучит и в пушкинской сказке, выражая семантику идеала красоты: Но царевна молодая <...> / Поднялась – и расцвела. / **Белолица**, черноброва, / Нраву кроткого такого [18, IV, с. 459].

Примечательна история употребления ахроматических цветолексем беленький, серенький в русских народных сказках. Несмотря на общую тенденцию к использованию уменьшительно-ласкательного суффикса в устном народном творчестве, данные цветолексемы в тексте волшебных сказок и сказок о животных не употребляются и не входят в состав изучаемых сказочных диминутивов (см., к примеру: [24]). Однако исключения составляют прибаутки и «Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове».

В сборнике А. Н. Афанасьева прибаутки выделены в отдельный раздел и даны под определенным номером. В прибаутке № 541, построенной на диалоге зайники и охотников, лексема серенький в обращении встречается 7 раз: Зайнышка **серенький**, где ты был-спобывал? [5, III, с. 217]. В прибаутке № 542 нами зафиксировано семикратное использование уменьшительно-ласкательного суффикса в кратком прилагательном: Тетка-божатка, сошей-ка рубашку, тоненьку, **беленьку**, косою вороток [5, III, с. 217]. Прибаутка, или присказка в качестве «шуточного вступления или заключения к сказке» [10, с. 224], строится на юморе, и диминутив в ней играет жанрообразующую роль.

«Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» [5, I, с. 90–102] с позиций современных исследований является примером архетипа порядка и демонстрирует отклонение от нормы¹. Не случайно это произведение фольклора было предметом изучения с позиций зарождения русской смеховой культуры. Используя образы рыб, сказка высмеивает социальные типы, прибегая к диминутивам: *Послать или*

¹ Попова Ю. Е. Отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках // Юридические исследования. 2024. № 12. Электронный ресурс. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72489 (дата обращения: 01.05.2025).

нет за еришом гарьюса; / У гарьюса <...> / Платьице **белень-ко**, / Речь московска [5, I, с. 96].

Все это по-новому высвечивает особенность включения А. С. Пушкиным лексем *беленький*, *серенький* в текст литературной сказки. Проводя параллель между ею и фольклорным текстом, мы констатируем, что автор «Сказки о медведихе», обратившись к цветовым значениям лексем *беленький*, *серенький* в описание зайки, вместе с тем выводит социальный тип «смерда» (современная реконструкция культурной значимости общеславянского и древнерусского слова указывает на такое этимологическое значение лексемы *смърдь*, как 'чужой, неполноценный человек' [2, с. 95]). Пушкин подвергает этот социальный тип осмеянию, опираясь на опыт употребления цветового диминутива в русской сказочной традиции. Морфемы включаются в выражение авторской иронии, усиленной за счет внутренней суффиксальной рифмы, т. к. два слова с одной морфемой расположены внутри одной строки: Зайка **беленький**, зайка **серенький** [18, IV, с. 419]. В целом это свидетельствует о значимости в репрезентации смысла не только лексического, морфемного, синтаксического, но даже фонетического уровня языка.

Обсуждение и выводы

Таким образом, в литературной сказке А. С. Пушкина ахроматический мир представлен в описании человека, артефактов, природы. Употребление лексем, обозначающих ахроматические цвета, ориентировано на соответствующие цветолексемы русской народной сказки. Благодаря этому в пушкинских текстах, как и в фольклорном сказочном дискурсе, с помощью денотативной семемы Д1 передаются не только цветовые, но и эмотивно-оценочные смыслы идеализации, эстетизации, а также авторское отношение к героям и даже к социальному типу, им представленному. При этом употребление в пушкинском тексте тех же ахроматических лексем, что и в фольклорной традиции, не является продуктом только внешней стилизации. Семантическое содержание лексем с корнем *бел-*, *сер-*, *черн-* и т. п., заложенное в жанре народной сказки, развивается и углубляется в соответствии с авторским замыслом и одновременно – в соответствии с национальным контекстом цветового ахроматического слова.

Список литературы

1. Акимова Т. М. О фольклоризме русских писателей: сб. статей / сост. и отв. ред. Ю. Н. Борисов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 204 с.
2. Алексеев А. В. Происхождение и коннотация древнерусского слова «смърдь» // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2024. – № 2 (54). – С. 95–107.
3. Андреев Н. П. Пушкин и народное творчество // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. – 1938. – Т. XIV. – С. 39–69.
4. Асмус В. Ф. Пушкин и теория реализма // Русская литература. – 1958. – № 3. – С. 89–101.
5. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки в 3 т. – М.: Наука, 1984.
6. Буряковская А. А., Звонарева Ю. Н. Эволюция употребления диминутивов в русской литературе XIX века // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 316–321.
7. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. – М.: Ком Книга, 2005. – 216 с.
8. Венгранович М. А. Стилистика фольклорного текста. – Тольятти: ТГУ, 2011. – 266 с.
9. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. – М.: ОГИЗ, 1941. – 624 с.
10. Квятковский А. П. Присказка // Квятковский А. П. Поэтический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 224.
11. Кезина С. В. Культурная значимость лексемы красный // Пушкинские чтения – 2025. Художественные стратегии классической и новой словесности: материалы XXX Международной научной конференции, 6–7 июня 2025 г. / отв. ред. Т. В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2025. – С. 338–345.
12. Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер / отв. ред. В. А. Татаринев. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 288 с.
13. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 стб.
14. Мешерякова О. А. Цветовое слово в русской пословице и поговорке // Славянская фразеология и паремиология: сборник научных статей. – Гомель, 2024. – С. 143–147.
15. Перфилова М. Н. Словообразование архаичных цветообозначений в русском языке // Art Logos. – 2023. – № 4 (25). – С. 178–202.
16. Пименова М. В. Семантический синкретизм как регулятор динамической устойчивости лексической системы языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23. – № 6. – С. 109–124.
17. Попова З. Д., Стернин И. А. Семемный и семный анализ как методы семасиологии // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 4–9.
18. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1950.
19. Радлов В. В. Из Сибири. – М.: Глав. ред. вост. лит., 1989. – 747 с.
20. Слантникова Т. В., Черкашина Е. И. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. – М.: Языки народов мира, 2021. – 140 с.
21. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. академик АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд. доп. – М: Азбуковник, 2000. – Т. 1. А–Ж. – 975 с.
22. Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Зооморфный код в контексте этногенетических связей: лиса в традиционных представлениях монгольских народов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – № 15. – С. 48–63.
23. Чекулаева А. С. Стадиальный процесс образования цветолексем в русском и китайском языках // Ученые записки УО "ВГУ им. П. М. Машерова": сб. науч. трудов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – Т. 24. – С. 177–180.
24. Экова Е. С. Деминутивы в сказках о животных (на материале сборника А. Н. Афанасьева) // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: материалы 73-й Всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых ученых. – Петрозаводск, 2021. – С. 412–414.

25. Baydasheva E. M. Semantic field of colour designation of “white” in the language of medicine // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2020. – № 4 (24). – С. 94–96.

26. Gađányi K. Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках (на материале русского, сербского, словенского, хорватского языков). – Melbourne: Academia Press, 2007. – 217 p.

Olga Meshcheryakova

Linguistic Features of the Achromatic World of Pushkin's Fairy Tales in Comparison With the Folklore Tradition

The article raises the problem of the formation of a rather narrow sphere of semantic space of fairy tales by A. S. Pushkin – the achromatic world. This is the semantic content of the text, represented by denotative sememes of lexemes that reflect the direct perception of white, gray and black colors. It is revealed which color lexemes includes in Pushkin famous fairy tales; a comparison is made with the use of color words in Russian fairy tales. This helps to determine what extent the author's choice is influenced by the language of the folk tale. The question about “non-color” meanings is also discussed. It is established that the use of lexemes that denote achromatic colors in the literary tale by A. S. Pushkin is oriented toward the color lexemes in the Russian folk tale. This linguistic phenomenon is not a product of external stylization alone. The semantic content of lexemes with the roots *bel-*, *ser-*, *chern-*, etc. develops in accordance with the author's intention, but in line with the folklore tradition.

Key words: achromatic color lexeme, denotative sememe, semantics, folklore and literary fairy tale, A.S. Pushkin, stylization, folklore tradition.

For citation: Meshcheryakova, O. A. (2025) Yazykovye osobennosti ahromaticeskogo mira pushkinskih skazok v sopostavlenii s fol'klornoj tradiciej [Linguistic Features of the Achromatic World of Pushkin's Fairy Tales in Comparison with the Folklore Tradition]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 118–133. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_118. EDN: TOCBNJ

References

1. Akimova, T. M. (2001) *O fol'klorizme russkih pisatelej*: Sb. st. [On the Folklore of Russian Writers]. Sost. i otv. red. Ju. N. Borisov [Comp. and ed. Yu. N. Borisov]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. (In Russian).

2. Alekseev, A. V. (2024) Proishozhdenie i konnotacija drevnerusskogo slova «sm'rd» [Origin and Connotation of the Old Russian Word “sm'rd”]. *Vestnik MGPU. Serija «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie» – Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series “Philology. Theory of Language. Language Education”*. No. 2 (54). Pp. 95–107. (In Russian).

3. Andreev, N. P. (1938) Pushkin i narodnoje tvorcestvo [Pushkin and Folk Art] *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo imsituta imeni A. I. Gercena* – Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. Vol. XIV. Pp. 39–69. (In Russian).

4. Asmus, V. F. (1958) Pushkin i teorija realizma [Pushkin and the theory of realism]. *Russkaja literatura – Russian literature*. No. 3. Pp. 89–101. (In Russian).

5. Afanas'ev, A. N. (1984) *Narodnye russkie skazki v treh tomah* [Russian folk tales in 3 volumes]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

6. Burjakovskaja, A. A., Zvonareva, Ju. N. (2010) *Jevoljucija upotreblenija diminutivov v russkoj literature XIX veka* [Evolution of the use of diminutives in Russian literature

of the 19th century]. *Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki – News of Tula State University. Humanities*. No. 1. Pp. 316–321. (In Russian).

7. Vasilevich, A. P., Kuznecova, S. N., Mishhenko, S. S. (2005) *Cvet i nazvanija cveta v ruskom jazyke* [Color and color names in Russian]. Moscow: Kom Kniga Publ. (In Russian).

8. Vengranovich, M. A. (2011) *Stilistika fol'klornogo teksta* [Stylistics of the folklore text: a tutorial]. Tol'jatti: TGU Publ. (In Russian).

9. Vinogradov, V. V. (1941) *Stil' Pushkina* [Pushkin's Style]. Moscow: OGIZ Publ. (In Russian).

10. Kvjatkovskij, A. P. (1966) *Priskazka* [Fairytale]. *Pojeticheskij slovar'* [Poetic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ. P. 224. (In Russian).

11. Kezina, S. V. (2025) *Kul'turnaja znachimost' leksemy krasnyj* [Cultural significance of the lexeme red]. *Pushkinskie chtenija–2025. Hudozhestvennyye strategii klassicheskoj i novoj slovesnosti: materialy XXX Meždunarodnoj nauchnoj konferencii, 6–7 ijunja 2025 g.*, otv. red. T. V. Mal'ceva [Pushkin Readings–2025. Artistic strategies of classical and new literature: materials of the XXX International scientific conference, June 6–7, 2025, ed. T. V. Maltseva]. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 338–345. (In Russian).

12. Kul'pina, V. G. (2019) *Lingvisticheskaja cvetologija: ot istorii k sovremennosti cvetovyh konceptosfer* [Linguistic color science: from history to modernity of color concept spheres]. Moscow: MAKSPress. (In Russian).

13. Nikoljukin, A. N. (2001) (ed.) *Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: Intelvak Publ. (In Russian).

14. Meshherjakova, O. A. (2024) *Cvetovoe slovo v ruskoj poslovice i pogovorke* [Color word in Russian proverb and saying]. *Slavjanskaja frazeologija i paremiologija: sbornik nauchnyh statej* [Slavic phraseology and paremiology. Collection of scientific articles]. Gomel'. Pp. 143–147. (In Russian).

15. Perfilova, M. N. (2023) *Slovoobrazovanie arhaichnyh cvetooboznachenij v ruskom jazyke* [Word formation of archaic color designations in the Russian language]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4 (25). Pp. 178–202. (In Russian).

16. Pimenova, M. V. (2024) *Semanticheskij sinkretizm kak reguljator dinamičeskoj ustojčivosti leksičeskoj sistemy jazyka* [Semantic syncretism as a regulator of the dynamic stability of the lexical system of language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie – Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. Vol. 23. No. 6. Pp. 109–124. (In Russian).

17. Popova, Z. D., Sternin I. A. (2009) *Sememnyj i semnyj analiz kak metody semasiologii* [Sememe and semiotic analysis as methods of semasiology] *Jazyk i nacional'noe soznanie* [Language and national consciousness]. Issue. 12. Voronezh: Istoki Publ. Pp. 4–9. (In Russian).

18. Pushkin, A. S. (1950) *Polnoe sobranie sočinenij v desjati tomah* [Complete Works in Ten Volumes]. Moscow–Leningrad: AN SSSR Publ. (In Russian).

19. Radlov, V. V. (1989) *Iz Sibiri* [From Siberia]. Moscow: Glav. red. vost. lit. (In Russian).

20. Slastnikova, T. V., Cherkashina, E. I. (2021) *Cvet i cvetooboznachenie v lingvističeskikh issledovanijah* [Color and Color Designation in Linguistic Research]. Moscow: Jazyki narodov mira. (In Russian).

21. Vinogradov, V. V. (2000) (ed.) *Slovar' jazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of Pushkin's Language: in 4 volumes]. Vol. 1. A–Zh. 2–e izd, dop. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian)

22. Sodnompilova, M. M., Nanzatov, B. Z. (2016) *Zoomorfnyj kod v kontekste jetnogenetičeskikh svjazej: lisa v tradiciennyh predstavlenijah mongol'skikh narodov* [Zoomorphic code in the context of ethnogenetic connections: the fox in traditional representations of the Mongolian peoples]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Geoarheologija. Jetnologija. Antropologija – Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. No. 15. Pp. 48–63. (In Russian).

23. Chekulaeva, A. S. (2017) *Stadial'nyj process obrazovanija cvetoleksem v ruskom i kitajskom jazykah* [Staged process of formation of color lexemes in the Russian and Chinese languages]. *Učenyje zapiski UO "VGU im. P. M. Masherova": sb. nauch. trudov* [Scientific notes of the UO "VSU named after P. M. Masherov"]. Collection of scientific papers. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova. Vol. 24. Pp. 177–180. (In Russian).

24. Jekova, E. S. (2021) *Deminutivy v skazkah o zivotnyh (na materiale sbornika a. n. afanas'eva)* [Deminutives in fairy tales about animals (based on the collection by A. N. Afanas'yev)]. *Nauchno-issledovatel'skaja rabota obuchajushhihsja i molodyh uchenyh* [Research work of students and young scientists]. Proceedings of the 73rd All-Russian (with international participation) scientific conference of students and young scientists. Petrozavodsk. Pp. 412–414. (In Russian).

25. Baydasheva, E. M. (2020) Semantic field of colour designation of “white” in the language of medicine. *Russian Linguistic Bulletin*. No. 4 (24). Pp. 94–96.

26. Gadányi, K. (2007) *Sravnitel'noe opisanie prilagatel'nyh cveta v slavyanskih yazykah (na materiale russkogo, serbskogo, slovenskogo, horvatskogo yazykov)* [Comparative description of adjectives of color in Slavic languages (based on Russian, Serbian, Slovenian, Croatian)]. Melbourne: Academia Press. (In Russian).

Об авторе

Мещерякова Ольга Александровна, главный научный сотрудник Центра русского языка и литературы, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: lameo56@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7950-5874

About the Author

Olga Meshcheryakova, Chief Researcher at the Center for the Russian Language and Literature, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: lameo56@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7950-5874

дата получения: 24.06.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 24 June 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025